

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154>
<https://elibrary.ru/ZQBUCEB>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Читая Ваши книги, легче любить людей»: переписка М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева (1934–1939)

© 2025, А.М. Любомудров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Впервые публикуется переписка двух представителей русского зарубежья: поэтессы М.В. Карамзиной (1900–1942) и писателя И.С. Шмелева (1873–1950). Письма посвящены размышлениям об искусстве слова, современной литературе и собственном творчестве. М.В. Карамзина подчеркивает духовно-нравственное воздействие книг И.С. Шмелева, отмечает уникальность фигуры прозаика, пишущего «о самом дорогом и важном», способного поддержать своего читателя в страшную эпоху. Переписку отличает максимальная степень открытости, исповедальный тон. В ней проявляются и черты характера, и душевные состояния корреспондентов, находят отражение их семейные перипетии. Важное место в общении М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева занимают вопросы духовной жизни православного христианина. Особой ценностью обладают описания литературной, общественной и церковной жизни русскоязычного населения Эстонии в межвоенный период. Во вступительной статье проанализировано общественно-политическое сознание части «белой» эмиграции, питавшей надежды на обретение своего места в советской России, но обманувшейся в своих ожиданиях. Проводится сопоставление тем, сюжетов и стиля эпистолярного общения М.В. Карамзиной с И.А. Бунинным и И.С. Шмелевым. В целом, данный эпистолярный комплекс представляет интерес для специалистов в области русского литературного зарубежья, а также широкого круга читателей. В качестве приложения к переписке дан текст неизвестной рецензии М.В. Карамзиной «Пути Небесные» (1937).

Ключевые слова: Мария Карамзина, Иван Шмелев, русская литература, русское зарубежье, русские в странах Балтии, эпистолярный.

Информация об авторе: Алексей Маркович Любомудров — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

E-mail: anketaspb@yandex.ru

Для цитирования: «Читая Ваши книги, легче любить людей»: переписка М.В. Карамзиной и И.С. Шмелева (1934–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Любомудрова // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 115–154. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154>

Публикуемый материал — еще одно свидетельство драматической судьбы русской культуры, успешно развивавшейся в странах Балтии в межвоенный период и жестко пресеченной с установлением там советской власти. Так, например, оборвался путь замечательного прозаика, тонкого лирика, автора задушевных новелл В.А. Никифорова-Волгина, арестованного в Нарве и расстрелянного в Кирове. Схожую участь, наряду со многими талантливыми людьми, разделила поэтесса М.В. Карамзина. Спустя год после депортации в Сибирь она погибла в возрасте 42 лет.

Мария Владимировна Карамзина (1900–1942), урожд. Максимова, родилась в Петербурге в семье потомственных купцов. В 1917 г. выехала в Финляндию, где в 1922 г. обвенчалась с И.Д. Гриммом (сыном Д.Д. Гримма, бывшего ректора Императорского Санкт-Петербургского университета). Вскоре семья обосновалась в Праге, а в 1927 г. переехала в Эстонию. Брак распался, и в 1930 г. поэтесса вышла замуж за В.А. Карамзина, дальнего родственника историка Н.М. Карамзина. Они поселились в шахтерском городке Кивиыли (неподалеку от Кохтла-Ярве). После присоединения Эстонии к СССР муж был арестован органами НКВД и летом 1941 г. расстрелян. Карамзину с двумя детьми депортировали в спецпоселение Нарымского округа, где в мае 1942 г. она погибла от голода и болезней¹.

Занятия поэтическим творчеством были серьезными и постоянными. Стихотворения Карамзиной отличались исповедальной интонацией, выверенностью образов, строгой простотой поэтической речи. Большое влияние на поэтессу оказало знакомство с И.А. Буниным: они встретились в Тарту в 1938 г. после нескольких лет переписки [1]. Бунин отмечал «благородство и талантливость» [1, с. 666] ее стихов и дал совет издать их отдельной книгой. В сборник «Ковчег», вышедший в Нарве в 1939-м, Карамзина включила произведения разных периодов жизни. Книга вызвала сочувственный отклик Г.В. Адамовича, П.М. Пильского, В.Ф. Ходасевича.

Имя талантливой поэтессы и переводчицы, к счастью, не кануло в Лету. Сохранению памяти о ней мы обязаны эстонским и финским русскоязычным изданиям, где были опубликованы работы Л.Н. Киселевой, Т.П. Милютиной, В.В. Шмидт [4; 6; 7]. Ценные биографические подробности также содержатся в статье С.Л. Гаврилова [2]. В 2008 г. в Таллине вышел сборник «Ковчег», куда, наравне с поэтическими произведениями Карамзиной, вошли биографические

¹ О ссылке и гибели Карамзиной рассказал свидетель этих событий В.Н. Макшеев [5].

и мемуарные материалы [3]. Помимо републикации писем Бунина там помещены переписка с Ходасевичем, Шмидт, письмо архимандрита Иоанна (Шаховского). По мнению Л.Н. Киселевой, биографа поэтессы, «в письмах М.В. Карамзиной перед нами предстает особый мир, мир напряженной внутренней жизни, полный исканий, сомнений, тревог»; «...общая для многих русских в рассеянии шкала духовных ценностей оказалась в этих письмах выраженной с ясностью и отчетливостью, недоступной многим другим ее “собратьям по судьбам”» [4, с. 40, 38].

Эпистолярное наследие Карамзиной дополняет впервые публикуемая переписка с Иваном Сергеевичем Шмелевым (1873–1950). В ноябре 1934 г. Карамзина прислала ему письмо с выражением благодарности за его творчество, приложив несколько своих стихотворений. На это исполненное душевной теплоты письмо Шмелев откликнулся не менее доброжелательным посланием. Дальнейшую переписку двух корреспондентов отличала повышенная эмоциональность, максимальная степень открытости, исповедальный — местами почти интимный — тон. Так, Карамзина плачет «отрадными слезами» при чтении книг Шмелева, а ее стихи радуют писателя «образностью, музыкой, мудростью сердца», он называет их «пением души». В целом, слова «сердце», «сердечный» становятся лейтмотивом пятилетней переписки. Карамзина: «Плакала, и плачу, и в сердце такое растепление...» или «Посылаю Вам всей душой моей много бережной нежности». Шмелев же растроганно отвечает: «Милые, родные земляки...»

Переписка перерастает во взаимную исповедь: Шмелев говорит о почившей жене и признается в душевном упадке во время пребывания в монастыре на Карпатах, Карамзина делится своим опытом молитвы, покаяния, смирения, рассказывает о семейных перипетиях. Но откровение чувств соединяется у нее со вполне рациональным осмыслением шмелевского таланта, пронизательными характеристиками его произведений. Наряду с трогательной заботой о самочувствии, душевном устройении писателя-эмигранта в письмах Карамзиной акцентируется духовно-нравственное и социальное значение его книг:

...Вы нужны людям, Вы нужны всем нам, силящимся помнить Бога, и любить Его, и знать — вопреки всему, наперекор этой жизни страшной. Вы детям нашим подрастающим нужны! Кто, кроме Вас, скажет им родное, живое, горячее слово и так мастерски-прекрасно его скажет?

Карамзина отмечает уникальность самой фигуры Шмелева в современном литературном процессе: «Из всех наших писателей Вы единственный настоящий родной, спутник наш, знающий насущное, пишущий о самом дорогом и важном».

Особое место в их общении занимают вопросы духовной жизни православного христианина. Для Карамзиной, человека глубоко верующего, очень дорого то, что создаваемая Шмелевым литература является «пособницей в вере». Более того, сама его личность в восприятии поэтессы обретает черты праведника, видится светочем русского мира: «Душу Вашу любят, чувят ее в писаниях Ваших и ищут у нее поддержки в собственных духовных борениях». «Бытописатель русского благочестия» — так определяли магистральную тему творчества Шмелева критики, Карамзина же применяет этот высокий термин к словесному искусству самого творца, обнаруживая в «Богомолье» и «Лете Господнем» *благочестивое мастерство*.

Под впечатлением от первого тома романа «Пути небесные» (ср.: «Каждое слово — прямо в душу...») Карамзина выступила с развернутым отзывом о книге на страницах «Православной Руси». Шмелев поблагодарил автора за мудрое и чуткое проникновение в суть его произведения. Эта рецензия публикуется в качестве приложения к переписке.

Интересно сопоставить темы и стиль эпистолярных отношений, сложившихся у Карамзиной с Буниным и Шмелевым. Первым, к кому она обратилась, был именно Шмелев, переписка с Буниным началась спустя год, но стала более интенсивной и насчитывает около полусотни писем. В ней преобладает дружески-деловой тон, корреспонденты в основном обмениваются мнениями о творчестве друг друга. Карамзина рассуждает о персонажах и сюжетах «Освобождения Толстого», «Митиной любви», «Жизни Арсеньева» и далеко не всегда соглашается с авторскими решениями: «... я слишком смело высказываюсь <...> но я знаю, что вам совершенно не нужны “общие слова”, которые я могла бы написать» [1, с. 681]. Бунин, в свою очередь, делает заметки о стихотворениях поэтессы, советует, кому выслать сборник «Ковчег» для рецензирования, искренне тревожится о судьбе семьи Карамзиной в начале Второй мировой войны. В общении с Буниным, однако, нет такой задушевности, как в переписке со Шмелевым, совершенно отсутствует тема православной веры. Имя автора «Солнца мертвых» ни разу не упоминается в ее посланиях к Бунину, в то время как в письме к Шмелеву от 4 января 1935 г. (№ 3) Карамзина размышляет о решении «темы смерти» в «Жизни Арсе-

ньева» и подчеркивает, что лишь Шмелев способен по-настоящему «обогреть и просветлить» ее.

Представляют интерес и описания литературной, общественной и церковной жизни эстонской глубинки конца 1930-х гг.: деятельность религиозно-нравственного кружка просветительного общества «Русская библиотека в Кивиыли» (где Шмелев стал самым читаемым автором), крестные ходы, встреча чудотворной иконы. Отдельного внимания заслуживают детали жизни Валаамского монастыря, в котором Карамзины побывали за полгода до его эвакуации с острова. В письме от 11 июля 1939 г. (№ 19) можно найти штрихи к портретам известных валаамских подвижников: схимонаха Николая (Толстова), иеромонаха Памвы (Порфирьева), схиигумена Иоанна (Алексеева). Шмелеву, как автору книг о Валаамской обители, эти описания были необычайно любопытны.

Некоторые детали расширяют устоявшиеся представления о самосознании эмиграции. Так, в письме к Шмелеву тринадцатилетний сын Карамзиной Костя выразил желание пойти по стопам отца — стать офицером и сражаться за Родину «с немцами и коммунистами». В надвигающейся смертельной схватке названных сил многие русские оказались между двух огней, что предопределило их трагические судьбы. Накануне присоединения Эстонии к СССР В.А. Карамзин не пожелал эвакуироваться: «Чтобы я, русский дворянин, поехал к этому сумасшедшему Гитлеру, который вот-вот нападет на Россию, — нет, благодарю покорно!» [7, с. 48]. И хотя в одном из писем к Шмелеву поэтесса выражала надежду на «освобождение нашей родины», сейчас она поддержала выбор мужа: «...я хочу, чтобы дети жили в России и были бы русскими» [7, с. 48]. Даже когда Карамзин был арестован, продолжала надеяться на справедливость: «Ведь он ничего не сделал против власти» [7, с. 48]. Но вскоре и сама с детьми отправилась по этапу в Сибирь.

Поразительно признание в письме к Шмелеву (для которого большевизм всегда оставался смертным врагом России) в том, что в семье Карамзиных с интересом слушают советское радио, ощущают душевный подъем, когда звучит песня «Широка страна моя родная...». Обаянию сталинского имперского стиля не могли противостоять даже деятели «белой» эмиграции. «И музыка, и слова очень трогают», — пишет Карамзина. По-видимому, она не могла себе представить, как «ласковая мать» вскоре обойдется с ее семьей. О том, как на родине «вольно дышит человек», она узнала, умирая на лагерных нарах. Таковы трагические повороты русской истории.

*М.В. Карамзина. Нарва, 1935.
Интернет-портал «Русская Эстония»
(russianestonia.eu)
M.V. Karamzina. Narva, 1935. Internet
portal "Russian Estonia" (russianestonia.eu)*

*М.В. Карамзина. 1930-е. НИОР РГБ
M.V. Karamzina. 1930s. Research Institute of
the Russian State Library*

* * *

Письма И.С. Шмелева к М.В. Карамзиной, как и другие материалы из архива поэтессы, были сохранены ее близкой знакомой В.В. Шмидт. В 1967 г. она передала их литературоведу-текстологу А.К. Бабореко [1, с. 664], который, напечатав письма Бунина, отдал документы в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Публикуем письма Шмелева по хранящимся там оригиналам (ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4). Письма М.В. Карамзиной к И.С. Шмелеву публикуются по оригиналам из архивного собрания Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425). Все материалы представляют собой автографы, за исключением письма И.С. Шмелева от 28 апреля 1937 г. (№ 16), являющегося авторизованной машинописью. Тексты печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (оба корреспондента писали по правилам старой) с сохранением в ряде случаев авторской пунктуации, передающей смысловой оттенок или интонацию. Конъектуры заключены в угловые скобки. Подчеркивание и разрядка текста (передается курсивом) принадлежат авторам писем.

Публикатор приносит благодарность Ольге Николаевне Патоке и Андрею Григорьевичу Власенко за помощь в работе.

1. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву*10 ноября 1934 г. Кивиולי*

10/XI 1934 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Беру на себя смелость Вам написать для того, чтобы выразить Вам глубокую, горячую благодарность за все, что Вы пишете и что «слагается в сердцах наших»¹, становясь для нас родным достоянием. Недавно, читая «Лето Господне», плакала такими горькими и вместе такими отрадными слезами, и сердце так кипело, что решила написать Вам. Ведь Вам не все равно, ведь Вам, наверно, нужно знать, что Ваша связь с нами со всеми, читающими, разбросанными по разным углам изгнания, крепка и жива, и что многие из нас с надеждой и благодарностью смотрят на Вас издали как на хранителя и выразителя того, что нам более всего дорого.

Вы столько сердца своего, столько себя вкладываете в Ваши писания, что они не только литературные произведения, а родной зов. Я люблю все, что Вы написали, но самое любимое мое — это «Родное», «Ростани», «История любовная» и «Лето Господне». Теперь с горячим вниманием и радостью слежу за «Няней из Москвы», отрывки из которой читаю в «Современных записках» и в разных газетах.

Чтобы Вы знали, что выраженное мною в этом письме не пустые слова, я посылаю Вам несколько моих стихотворений². Они очень откровенны. Простите интимный тон в двух из них, посвященных моему мужу. Вашему сердцу, мне кажется, можно их показать.

Дай Вам Господь сил, здоровья и того благополучия, при котором возможна литературная работа. И да хранит Он Вас за все.

Уважающая Вас

М. Карамзина.

Мой адрес: Марии Владимировне Карамзиной.

Kiviõli. Estonie³.

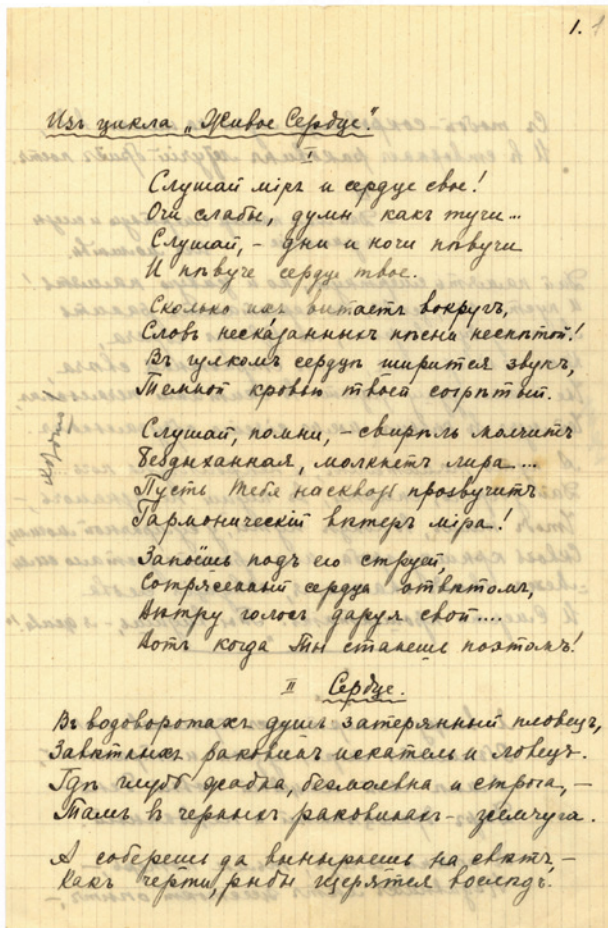
<P.S.> 27/XI. Письмо проблуждало 2 недели и вернулось ко мне: неправильно мне сообщили Ваш адрес из газеты «Сегодня». Посылаю наудачу на адрес «Возрождения». Я хочу, чтобы оно до Вас дошло.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 1–1 об.

¹ Выражение восходит к евангельскому повествованию о том, как Мария, услышав рассказ пастухов о возвешенном ангелами рождении Богомладенца, «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк 2:19).

² К письму приложены переписанные от руки стихотворения: три из цикла «Живое сердце»: «Слушай мир и сердце свое!» (отмечено Шмелевым на полях: «Хорошо!»), «Сердце» («В водоворотах душ затерянный пловец...»), «Дай память смертную...»; «Я вижу: смертных крыльев сень...», «Méditation» («Ты существуешь ли, моя душа?»); «Отрывок» («О встрече? — Да... В двенадцатом году...»); пять с общим посвящением «Мужу моему, В.А. Карамзину»: «Среди трудов, среди забот...», «Земли щедрейшей мощь и тук...», «Клада поклоны и кресты...», «И вот идут, идут года...», «И наш удел — любить, хранить...»; а также «Поэту» («Свирели тонкой не вместить...») (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 1а–4 об.). «Дай память смертную...», «Сердце», «Ты существуешь ли, моя душа?» и «Поэту» републикованы в книге «Ковчег» (2008): [3, с. 9–10, 14, 104–105].

³ В письмах используются французский («Estonie») и эстонский («Eesti») варианты названия страны.

Стихотворения М.В. Карамзиной. Архив Дома русского зарубежья
 Poems by M.V. Karazina. The House of Russian Abroad Archive

2. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной*11 декабря 1934 г. Париж*

11.XII.1934

2, Boulevard de la République
Boulogne s/Seine¹

Марии Владимировне Карамзиной

Добрый друг-читатель,

Мария Владимировна,

Дошло-таки Ваше письмо, такое теплое. Верно, «мне не все равно» (то есть пишут ли мне читатели), мне дорого знать, что мои книги не в пустоту идут, а оставляют в душе след, что-то дают ей — нужное. Каждый берет *свое*. И я всегда светлею, говорю себе — да-да, — когда получаю отклик. Спасибо за горячее, от души, — слово-чувство. Стихи Ваши не скользнули по моему слуху, а вызвали разнообразные — и хорошие — движения в душе — и в памяти — образностью, музыкой, мудростью сердца — есть и такая мудрость! Да, многое Вы пережили, чтобы *так* писать — петь. Многое Вы знаете. Жизнь и знание — и дарование — дали Вам петь так. По-моему, — я не стихотворец — стихи великолепны, — не бряцанье словами, а пение души — и мастерство! — и пение полное, если так можно определить. Особенно мне понравились «Из молитвы»² и «Отрывок».

Звенигород, — Господи, да мои «Росстани» — оттуда! Да, деревушка Дютково, верст<ах> в 3 от монастыря³. Лучшего места *не знаю*...

Ну, спасибо, добрая душа, — аукнулись.

Скоро вот «Богомолье» д<олжно> выйти, 12 очерк<ов> — к Троице-Сергию, ребенком, с Горкиным⁴... Печатались в «Рос<сии> и слав<янстве>» за 2 года. Теперь — книга, из моего душевного, как и моя «Неупиваемая Чаша». Ее нет в Вашем перечне, — очевидно, не созвучна Вашей душе. Но ведь всегда одно — близко, другое — не так вбирается. Я-то очень многим из своего недоволен, и рад, что мои *тихие* очерки «Лета» доходят до родного сердца.

Благодарю за теплые строки пожеланий.

Ив. Шмелев.

Приятно было вживе встретить славное наше имя — Карамзин. Несите его гордо.

¹ Указан парижский адрес И.С. Шмелева.

² Шмелев имеет в виду стихотворение «Дай память смертную...», к которому предпослан эпиграф «Господи, даждь ми слезы, и память смертную, и умиление» с подписью «Из молитвы» (имеется в виду прошение молитвы свт. Иоанна Златоуста, входящей в состав православного молитвослова).

³ Эти строки из письма Шмелева позволяют установить топографические прототипы мест, описанных в повести «Росстани» (1913): «деревня Ключевая» — село Дютьково (под Звенигородом), «речка Соловьяха» — река Сторожка, «скит» и «монастырь» — Саввинский (близ пещеры преп. Саввы) и, соответственно, Саввино-Сторожевский.

⁴ Михаил Панкратович Горкин — плотник, праведник, персонаж книг Шмелева «Лето Господне» (1927–1944) и «Богомолье» (1931).

3. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

4 января 1935 г. Кивийли

22/XII <1934 г.> – 4/I 1935 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Сердечное Вам спасибо за Ваше доброе письмо, которое доставило мне большую радость. Поздравляю Вас с Праздником Рождества Христова и от души желаю Вам здоровья, сил и всяческой помощи Божией в новом году. Жутки стали теперь отмеченные дни — даты, юбилеи, — а все же нельзя переставать верить в то, что каждый ушедший год приближает сроки освобождения нашей родины.

У нас в Эстонии праздники официально уже прошли: все празднуется по западной пасхалии¹. В этом году всем православным приходам, и староверам также, был через полицию передан приказ служить по новому стилю. До сих пор кое-кто еще придерживался старого. Православные покорились, староверы не служили, послали делегацию к митрополиту и получили разрешение на службы по старому стилю до 1 сентября, то есть до наступления церковного нового года.

Дома у нас елочка стоит с нового Рождества и простоит и старое. Что сказал бы обо всем теперешнем Горкин? Я, кстати, совершенно уверена, что это был взаправду живой человек, близкий к Вам в детстве. Его так и звали — Горкин?

Почему Вы почти ничего не пишете о матери, о материнском, Вы рано потеряли мать? «Богомолье» я в отрывках читала и очень хочу попросить целиком, оно тоже очень родное. «Неупиваемую Чашу» читала давно, когда была моложе, поверхностнее. Надо самой много пережить сердечного, чтобы отзываться сердцем. Мне очень хочется ее теперь перечесть, не знаю только, можно ли ее здесь получить.

Стоя у всенощной накануне Рождества, я думала о Вас, Иван Сергеевич, и мне пришла в голову одна мысль, которую — не знаю — сумею ли хорошо выразить. Вспомнилось мне описание Ваше той всенощной, которую пели Кедровы², это Ваше «предстояние» душою перед Богом. В Ваших писаниях Вы так убедительно обнаруживаете священное, доброе, теплое, светлое в жизни. Ваши книги трогают, бодрят, просветляют, обнадеживают; читая их, легче любить людей и стараться быть лучше. До сих пор, насколько я знаю, Вы не касались темы смерти. Умирание в «Солнце мертвых» еще не смерть. И вот у меня появилось желание, надежда, что когда-нибудь Вы обогреете и просветлите тему смерти. Вы один это можете, так как сердце Ваше горячо, и вера Ваша полна любви.

Ужасен бунинский запах тления и лиловая гробовая крышка³. Бунин только чуть-чуть согревается на последних страницах «Жизни Арсеньева» у гроба вел<икого> кн<язя> Ник<олая> Ник<олаеви>ча, потому что он сам любил там и плакал, и там дело не в «крышке», а в его чувстве. И хотя эти страницы так «выпадают» из общего тона произведения, они очень дороги, и сами по себе, и как наглядное доказательство возможности преодолеть страх любовью... Но этого мало.

Многим людям нужна теперь помощь в вере. Вы много помогаете. Как в Средние века служанкой теологии была философия, так в наше труднейшее время литература есть, то есть должна быть, пособницей в вере. Я плохо выражаюсь, Иван Сергеевич, но ведь Вы меня понимаете? Кроме Вас нет среди писателей никого. Вы не сердитесь на все, что я здесь написала?

Я сегодня дочитала I том трилогии Вл<адимира> Крымова «За миллионами»⁴. Очень сильно местами, но как мрачно, разрушительно, безотрадно. Вы читали? Все про мерзавцев. Любви ни капли, и Бог отсутствует.

Муж мой хотел сам Вам написать и Вас приветствовать.

Желаю Вам почувствовать Рождество. Какая обстановка Вас окружает? Здесь у нас на заводе много русских служит, а живем мы в избушке под соломенной крышей, теперь сильно занесенной снегами. Но при этом у нас есть и электричество, и радио.

Простите, что так длинно написала.

Дай Вам Бог всего хорошего!

Уважающая Вас

М. Карамзина.

¹ Введение нового календарного стиля в Эстонской апостольской православной церкви проводилось не только правящим митрополитом Александром (Паулусом), но и полицейскими органами. В 1934 г. обязательность григорианского календаря, несмотря на протесты верующих, была закреплена принятием государственного закона и постановлением министра внутренних дел Эстонии.

² Имеется в виду рассказ Шмелева «Христова всеночная» («Возрождение», 20 февр. 1927), где описана служба в Общежитии русских мальчиков в Шавиле 29 января 1927 г. В качестве хора выступил квартет под управлением певца и композитора Н.Н. Кедрова-старшего (1871–1940).

³ Имеются в виду впечатления героя от смерти Писарева в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1933).

⁴ В.П. Крымов (1878–1968) — русский прозаик и предприниматель, издатель. С 1920 г. жил в Берлине, в 1933-м переехал во Францию. Трилогия «За миллионами» (1933) отразила быт Петербурга, провинции и эмиграции накануне Первой мировой войны и в межвоенный период.

4. В.А. Карамзин — И.С. Шмелеву

4 января 1935 г. Кивиыли

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Прошу Вас принять мои сердечные пожелания сил и здоровья в наступившем новом году, на радость всем нам, почитателем Вашего глубокого, русского творчества. В коротком письме мне трудно указать Вам, какое именно из Ваших произведений дало почувствовать внутреннюю близость к Вам, — она росла все время, по мере чтения. Помню, что меня охватило чувство глубокой благодарности по прочтении Вашей статьи в «России и славянстве» по случаю дня св. Татианы, дня Московского университета¹. Целый номер этой газеты был посвящен этому традиционному празднику, и, только читая Вашу статью, все внутри твердило: «так, так — да, если хочешь быть честным до конца к прошлому, — то только так». Такие же мотивы, попадающиеся и в других местах Ваших произведений, вызывают всегда все то же чувство благодарности автору за правду, за напоминание о прошлой лжи и клевете, за призыв к покаянию. А ведь для очищения только и нужно покаяние.

Спасибо Вам за пробуждение русской совести.

Дай Бог Вам сил и здоровья.

Сердечно Вам преданный

В. Карамзин².

4/1 – 1935 г.

Кивиыли. Эстония.

¹ Имеется в виду статья Шмелева «Мученица Татьяна» («Россия и славянство», 25 янв. 1930).

² В.А. Карамзин (1885–1941) происходил из потомственных дворян Самарской губернии. Участник Первой мировой и Гражданской (в рядах Северо-Западной армии) войн. В начале 1920-х гг. жил в Таллине, с 1925-го — в Нарве, где работал на Кренгольмской мануфактуре. Член правления Союза русских увечных воинов в Эстонии. Позднее проживал в Тарту, откуда переселился в Кивиыли. Руководитель религиозно-нравственного кружка просветительного общества «Русская библиотека в Кивиыли». Арестован органами НКВД 21 марта 1941 г. и 28 июня того же года расстрелян.

5. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

13 мая 1935 г. Кивиыли

13/V 1935 г.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Недавно в газете «Православная Русь»¹ мы с мужем прочли Ваше описание перенесенной Вами в прошлом году болезни и ее чудесного исцеления². Мы глубоко почитаем преп. Серафима Саровского и радуемся еще новому доказательству Его молитвенного заступничества. Особенно же радостно для нас то, что Милость Божия проявилась по отношению к человеку, который так нужен и дорог русским боголюбивым душам. Ваше описание доходит до самого сердца.

Так как я немного рисую, мне очень захотелось послать Вам икону св. Серафима моей работы. Мой муж обклеил ее. Она освящена в нашей церкви вчера, 12 мая, за литургией, во время которой мы подавали <записку> о Вашем здравии.

Дай Бог Вам радости, сил и ощущения постоянной близости и заступничества пр<еп>. Серафима.

Искренно преданные Вам

М. и В. Карамзины.

P.S. В Вашем описании я нашла имя В.Ф. Малинина³, которого хорошо помню по Праге. Он меня тоже знает, но под фамилией по первому браку — я была тогда замужем за Ив<аном> Дав<идовичем> Гримм<ом>, сыном ректора Петроградского университета, проф<ессора> Д.Д. Гримма⁴. Я очень хотела бы знать о дочери В<ладимира> Ф<едоровича>, Ольге Владимировне⁵, которая была так тяжело больна. Как теперь ее здоровье — мы ее очень любим.

М.К.

Мария Владимировна Карамзина.

Kiviõli, Estonie.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 7–7 об.

¹ «Православная Русь» (в 1928–1934 гг. — «Православная Карпатская Русь») — церковно-общественное издание типографского братства преп. Иова Почаевского, действовавшее сперва в Ладомировой (Чехословакия), а затем в Джорданвилле (США).

² Имеется в виду очерк Шмелева «Милость преп. Серафима» (Православная Русь. 1935. № 1, 2, 3).

³ В.Ф. Малинин (1873–1943) — инженер-механик, общественный деятель. Во время Гражданской войны состоял в Русском совете генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции жил во Франции. Участвовал в работе русских политических, общественных и военных объединений. В 1930-е гг. в Париже вел собрания Земгора.

⁴ Д.Д. Grimm (1864–1941) — правовед, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета (1910–1911). Комиссар Временного правительства. С 1920 г. проживал в Хельсинки, Париже, Берлине, Праге. Член Русского национального комитета (1921–1940). В 1927–1934 гг. был профессором Тартуского университета. В 1940-м переехал к сыну Ивану в Ригу.

И.Д. Grimm (1891–1971) — юрист. Сын (от первого брака) В.И. Дитятиной, ставшей женой Д.Д. Grimma, который и усыновил его. Эмигрировал в 1920 г., преподавал в Карловом университете в Праге. В 1922-м женился на М.В. Максимовой (во втором браке — Карамзиной), у них родился сын Константин. В 1927 г. семья переехала в Эстонию. Брак распался в конце 1920-х гг. Возглавлял канцелярию Патриаршего экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), а летом 1944-го эвакуировался в Германию. В начале 1950-х гг. переселился в Австралию.

⁵ О.В. Малинина (1903–1959) — дочь В.Ф. Малинина и Л.Н. Лазаревой. Проживала во Франции.

6. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

31 мая 1935 г. Париж

31.V.35

Многоуважаемая Мария Владимировна, меня глубоко тронул Ваш, вернее — Ваши (как и Вашего мужа) сердечные приветы. Ваш дар — образец преп. Серафима Вашей работы радостно принят сердцем и теперь освещает нас. Горячо благодарю Вас, милых друзей-читателей. Это — высшее, что может объять сердце, — светлое благословение, от светлых душ исходящее, — на укрепление.

Сам сделаю киотик. Милые, родные земляки, — спасибо! Благодарю и Вашего славного мужа — за его единоподушие с Вами — ко мне и за его труды. Воистину, Милость Божия помогла одолеть болезнь, вот уже год жизни, как я не испытываю болей, и пишу, и чувствую силы — писать, и светлее мне — грезится лучшее, которое *вдруг* осветит всех нас. Да, никто ведь не ждет, а — *осветит!*

Все возможно, все чудесно в нашем маленьком перво-мире, прихожей Мира Великого... — которую мы так лакейски-скотски затопили и кровью, и грязью. И все же — даже и в этой «прихожей» будем осветлены и очищены — для *иного*.

Нет, я ничего не знаю о дочери В.Ф. Малинина, увижу его — спрошу.

Сердечно Ваш

Ив. Шмелев.

Привет, друзья!

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об. Почтовая карточка. Адрес отправителя: Iv<an> Chmélov, 2, B<oulevard> de la République, Boulogne S<ur> Seine. Адрес получателя: Madame M<aria> Karamzina. Kiviõli. Estonie.

7. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

22 февраля 1936 г. Кивийли

Kiviõli, 22/II 1936 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам под свежим впечатлением <от> Вашего чудесного «Богомолья», которое мы с мужем прежде только отчасти знали, в отрывках, а теперь прочли целиком. Нам хочется поблагодарить Вас за радость, доставленную Вами этой книгой. Чтение ее и умиляет, и просветляет, и бодрит, и кажется, что сам участвовал в этом паломничестве. Она затрагивает самые заветные струны в сердце, которое отзывается на каждое слово, как на родной зов. Сколько в ней доброты, мудрости, ласки. Горкин Ваш стал у нас совсем своим, мы про него говорили, как про живого. Отца Вашего полюбили, хоть он всюду только мелькает с налету. «Богомолье» и «Лето Господне» — что-то особенное, ни с чем не сравнимое: такое тончайшее и такое благочестивое в них мастерство. Как только будет возможность, постараемся приобрести их — (пока что читали библиотечные) — чтобы мальчишки наши¹, подрастая, могли их читать, — их воспитательное значение огромно, и понятны, доходчивы они поразительно.

У нас тут существует религиозной кружок, состоящий, главным образом, из совсем простых людей — рабочих, их жен, их молодежи. Собираемся раза два в неделю, читаем, беседуем. Получаем для кружка газету «Православная Русь», которую каждый раз прочитываем вслух. Есть у нас и пожилые, хорошо помнящие Россию, сами бывавшие по святым местам, и здесь ежегодно на Успение пешком ходящие в Пюхтицкий монастырь к престольному празднику, к Чу-

дотворной Иконе — от нас килом<етров> 60. Есть и молодые, жадно впитывающие в себя это русское, прежнее. Так вот и им всем мы читали вслух «Богомолье», и не могу выразить Вам, как оно им по душе пришлось. Надо было видеть их напряженно-внимательные лица, слышать их вздохи, а часто и радостный смех, точно встречали они кого-то очень знакомого. Горкина сразу приняли и полюбили, особенно некоторые старухи, — у нас есть две-три «авторитетные», так они несколько раз прерывали чтение возгласами: «уж этот все знает, — правильный».

Также и то, что Вы пишете в «Православной Руси», принимается с радостью и пониманием². За то, что участвуете в этой газете, — горячая Вам благодарность, дорогой Иван Сергеевич. Из всех наших писателей Вы единственный настоящий родной, спутник наш, знающий насущное, пишущий о самом дорогом и важном.

Оттого так и пишется к Вам — ведь вот мы никогда Вас не видели, звука голоса Вашего не слышали, а любим Вас как родного.

Так хотелось бы знать, каково теперь Ваше здоровье и самочувствие. От души желаем Вам сил и бодрости. Шлем Вам наш самый теплый привет.

Сердечно Вам преданные

М. и В. Карамзины.

Адрес: Estonie. Kiviõli. V.A. Karamzin.

(Мария Владимир<овна> и Василий Александр<ович>)

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 12–12 об.

¹ Дети Карамзиных — сыновья Александр (род. 1930) и Михаил (род. 1932 или 1933).

² В газете «Православная Русь» Шмелев опубликовал в 1935–1937 гг. главы из романа «Лето Господне», рассказы «Милость преп. Серафима», «У старца Варнавы», очерк «Старый Валаам», обращение «К православным русским людям».

8. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

8 сентября 1936 г. Кивиыли

Kiviõli, 8/IX 1936 г.

Глубокочитимый и дорогой Иван Сергеевич!

Муж и я сердечно приветствуем Вас в краях, столь близких к нашему краю¹. К большому нашему сожалению узнали о Вашем посещении Печор слишком поздно, тогда, когда Вы уже наверное покинули пределы Эстонии. Горячо надеемся, что душе Вашей от-

М.В. Карамзина с сыновьями Александром, Михаилом (Карамзиньми) и Константином (Гриммом — справа). 1930-е. Интернет-портал «Русская Эстония» (russianestonia.eu)

M.V. Karamzina with her sons Alexander, Mikhail (Karamzins) and Konstantin (Grimm on the right). 1930s. Internet portal "Russian Estonia" (russianestonia.eu)

радно пребывание здесь, где так многое напоминает Россию. Одна природа чего стоит — северная осень!

Хотелось бы знать, как здоровье Ваше. Хотелось бы выразить Вам, дорогой Иван Сергеевич, что весть о горестной потере² Вашей была принята нами, как весть о несчастье с родным, близким человеком. Упокой, Господи, рабу Твою Ольгу. А Вам — да поможет Господь!

Писала Вам зимой во Францию о том, как полюбили мы Ваше «Богомолье», как читали его вслух в нашем религиозном кружке среди совсем простых людей, и как поразительно доходило до них каждое слово. Не знаю, получили ли Вы это письмо. С радостью читали Ваш «Старый Валаам» в «Православной Руси», ждем его продолжения. Завидую тем людям, которые в настоящее время имеют радость видеть Вас, беседовать с Вами, заботиться о Вас.

Софья Терентьевна Климова³ не есть ли та самая Соня Теодорович, которая очень недолго, кажется, в 1917 г., училась в Петербурге в гимназии Шаффе⁴ в одном классе со мною? Может быть, она помнит Мусю Максимову? Она была у нас дома на Каменноостровском, 1–3, и я, помнится, тоже была у них. Если она меня помнит, передайте ей мой сердечный привет.

Дорогой Иван Сергеевич, примите наши самые теплые чувства, самые искренние пожелания здоровья, сил, духовной и творческой работы. Не считайте наши письма назойливостью, это просто выражение нашей сердечной благодарности, — благодарности и любви, которые Вы сами породили тем, что Вы написали.

Искренно Ваши

Карамзины.

Kiviõli, 44. Eesti.

Мария Владимировна Карамзина.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 14–14 об.

¹ В августе–сентябре 1936 г. Шмелев по приглашению рижского Русского академического общества приезжал в Латвию, где останавливался в пансионе Inčukalns семьи антиквара Г.Е. Климова. Прозаик также посетил Эстонию — Псково-Печерский монастырь и Старый Изборск.

² Жена писателя О.А. Шмелева скончалась 22 июня 1936 г.

³ С.Т. Климова (урожд. Теодорович, 1899–1991) родилась в Варшаве в семье настоятеля варшавской церкви во имя св. Марии Магдалины протопресвитера Т. Теодоровича, после начала Первой мировой войны вместе с отцом переехала в Петроград, в 1917 г. вышла замуж за морского офицера Г.Е. Климова. В 1918-м с мужем покинула Петроград, после окончания Гражданской войны поселилась в Риге, устроила летний пансион в дачном месте близ латвийской столицы (куда приезжал отдыхать И.А. Ильин, а летом 1936 г. по его рекомендации Шмелев), после окончания Второй мировой войны жила в Германии, в 1951-м с мужем переехала в Канаду (И.С. Шмелев и О.А. Бредюс-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 723).

⁴ Женская гимназия Э.П. Шаффе размещалась в здании по адресу 5-я линия Васильевского острова, 16.

9. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

19 сентября 1936 г. Рига

19.9.36

ulkv<eža> Brieža ielō, 4,

dz<īvoklis> 2.

bei Klimovs (Ив<ан> Ш<меле>в)

Дорогая Мария Владимировна,

Благодарю Вас, добрые друзья, за сочувствие Ваше, за ласковость. Мне трудно писать, простите за мое молчание на Ваше зимнее письмо: я был занят работой, сборами в путь (как мы с О<льгой> А<лександровной> мечтали ехать, отдохнуть!)... и вот, задавило, убило горе. Не понимаю, как я смог собраться, поехать, — довершить задуманное вместе, вспомнить обещанное. Мне тяжело, очень, — на

людях, при всей любви их и заботе. Я живу у милых Климовых, моих верн<ых> читат<елей>, — не знал их раньше.

Да, Софья Терентьевна Кл<имо>ва, — да, С<оня> Теодорович. Да, она Вас вспомнила, очень. Передал ей Ваш привет. Она, каж<ет>ся>, хочет Вам писать. Радостно вспоминала.

Был в Печорах, везде, много. Истомлен. Болел. Буду читать публ<ично> 29-го. 3-го уеду в Берлин (вечер литер<атурный>) — и — Париж — к 12–13 X.

Спасибо за светлые чувства Ваши и милого мужа Вашего. Поцелуйте его от меня. А Вам целую руку.

Не рассчитал, как трудно мне будет без могилки. Очень давит, не вижу жизни и не увижу.

Ваш

Ив. Шмелев.

Сколько, слава Богу, здесь у меня друзей-читателей!

Адр<ес> парижский — тот же — и до конца.

Как бы радовалась дорогая моя Оля! И как я теперь мучаюсь. Простите. Да Вы и так знаете, почувствовали.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

10. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

22 сентября 1936 г. Кивийлы

22/IX.1936

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо самое сердечное за Ваше дорогое письмо, глубоко приняла его, трудно писать в ответ, а не написать еще труднее. Была бы близко, может быть сумела бы выразить то, что просится, — и не так словами, как тишиной около Вас, редкими и тихими — робкими — вопросами, только чтобы не сделать Вам больно, — большее, чем есть. Посылаю Вам всей душой моей много бережной нежности. Молюсь о том, чтобы Господь снял с Вашей души томление и часть тоски, чтоб послал Он Вам сил физических и укрепил радость творческих сил. Вы пишете: «болел», а сегодня в газете есть о том, что Вы хворали гриппом. Берегите себя!

Как, должно быть, трудно Вам выступать на этих вечерах, то есть принудить себя выступить, и какую отраду Вы наверно ощущаете во время и после чтения. Ведь если не все, то очень многие, слушая Вас, не только слушают, но и живут сердцем, самым дорогим его ну-тром, — и вечера Вашего чтения, конечно, не только литературные

вечера. То, что Вы читаете, — не проповедь о родном и священном, а обнаружение его. Контакт, наверно, получается очень крепкий и хороший. Чем дольше живешь, тем сильнее чувствуешь, как нужно бывает людям, чтобы их, среди житейского, затрагивали за «самое главное» и давали ему выявиться и обнаружить себя. И какая радость бывает ощущать, когда за тебя, не твоими, а самыми лучшими, самыми верными словами, — так, как ты никогда не сумел бы сказать, — выговаривается твое дорогое и заветное.

Дайте нам еще много такой радости! Земными путями «няниных» скитаний по миру, большой дорогой «богомолья» ведите к «путям небесным». — Знаю их только по отрывкам из «Возрождения», хочется знать целиком.

Родной наш, храни Вас Бог в дороге и в Париже! Время такое смутное... Есть ли там близкие Вам люди, которые будут хорошо беречь Вас и заботиться о Вас? Трудно загадывать вперед, но, если все будет благополучно в будущем году, надо бы Вам опять собраться в эти близкие к России места. И в Эстонии поехать не в Печоры, где туристы и туземцы, и шум, — а на Святую Гору, в тихий Пюхтицкий монастырь, где можно отдохнуть, много молиться и мало видеть людей.

Не теперь, не сразу, а когда-нибудь, дорогой Иван Сергеевич, — хоть немножко-то, что можно, — напишите нам об Ольге Александровне! Нет ли у Вас ее карточки, которую, если нельзя оставить, я Вам верну? Так хочется знать о ней, чтя ее память и любя Вас. Муж шлет Вам самый свой горячий сердечный привет. Он не пишет сам, потому что эти дни очень занят. Нас недавно перевели на новую квартиру — домик и сад — и от старого сада он пересаживает цветы, кусты и даже деревья. Помещичья душа вся тут. Ночь на заводе сегодня работал, не спал, и вот копает все время. И я помогаю. Еще раз — храни Вас Господь!

Ваша

М. Карамзина.

Очень приятно мне, что нашла Соф<ью> Тер<ентьевну>. Буду очень рада, если она напишет, и сама ей буду писать. Адрес наш — по-прежнему Kiviõli, 44.

11. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву*25 октября 1936 г. Кивийли*

25 окт. 1936 г.

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Очень часто думаю о Вас, мыслями и сердцем следила за Вашим путем назад в Европу, а теперь, зная, что Вы вернулись в Париж, несколько дней порывалась писать Вам, потому что чувствую, как Вам там должно быть трудно, — даже во сне Вас видела — и все останавливала себя, боясь показаться Вам навязчивой. А сегодня получила длинное письмо от Сони К<лимовой>, где она много пишет о Вас, и вот не могу уже больше удержаться.

Родной наш Иван Сергеевич, позвольте иногда писать Вам, не считайте, что надо всегда отвечать, — это только, когда Вам захочется, когда будет время, позвольте письмами выражать Вам иногда нашу преданность, мысли о Вас, раз уж мы не можем быть около, не можем любовь к Вам претворить в постоянную заботу и ласку. Знаю, что несмотря на все горячее желание наше, письма и чувства наши могут очень мало принести Вам — просто крохи какие-то в лучшем случае, — но, может быть, и эти крохи, присоединенные к чувствам и письмам других, любящих Вас людей, — преданных Вам, душевно зависящих от Вас, одаряемых Вами, — будут Вам хоть немножко нужны.

Соня пишет, что она до сих пор еще не пережила внутренне всего, заложенного Вами. Как я рада, что Бог опять свел меня с нею, она мне очень близка. Она пишет, что рижская молодежь глубоко полюбила Вас, что Ваш приезд и пребывание в Риге имели большое и важное значение. Еще она рассказывает, как они, Климовы, познакомились с Вами через Ив<ана> Ал<ександровича> Ильина, и спрашивает меня, читала ли я его писания. Я не только их читала, — и почти всегда с восхищением, — но и самого И<вана> А<лександровича> лично знаю, хоть не часто его удавалось видеть. В его приезды в Прагу он всегда бывал в семье моего beau-père¹, профессора Гримма, и мы присутствовали на его докладах. Муж мой помнит его еще по Московской 5-й гимназии², где И<ван> А<лександрович> был «старшим учеником» в классе мужа. Несмотря на мое восхищение тем, что И<ван> А<лександрович> пишет и говорит, я испытывала по отношению к нему как бы опаску, хотя может быть и напрасно. Мне кажется, что он мало кого любит. Людей вообще — не любит и беспощадно бывает насмешлив. Но после того, как я поняла из Сониного письма, что Ив<ан> Ал<ександрович> любит Вас и Ваше творчество, то есть не холоден к нему, а душой его принимает и даже

указывает другим, как надо его любить и понимать, я сразу стала доверчиво, — как мне того всегда хотелось, — относиться к Ивану Ал<ександрови>чу.

Дорогой Иван Сергеевич, Ваше творчество — пробный камень. Люди, любящие Шмелева, отзывающиеся на него сердцем, — свои, близкие люди, для которых высшие ценности — одни, общие. Не умею я писать, не могу выразить того, что хочется мне сказать, и столько толпится в душе, и так боюсь надоест Вам своими рассуждениями, но все сводится к одному, — к мольбе, чтобы Господь послал Вам сил, укрепил Вас в пору страшного испытания, Вам ниспосланного, и Вы могли бы вновь приступить к работе. Родной наш, берегите себя, свое здоровье, сердце свое! Простите, что пишу так, но Вы нужны людям, Вы нужны всем нам, силящимся помнить Бога, и любить Его, и знать — вопреки всему, наперекор этой жизни страшной. Вы детям нашим подрастающим нужны! Кто, кроме Вас, скажет им родное, живое, горячее слово и так мастерски-прекрасно его скажет? Не хочу писать об этом сегодня — но ведь <скажут его> не те, которые повторяют устарелую пошлую поговорку о том, что «les bons sentiments font de la mauvaise littérature»³; — это в последнем томе «Современных записок», очень интересном, очень полном, но вызывающем такой безусловный нравственный протест многим, что там напечатано!

Как мы мечтаем с мужем, что будущим летом Вы опять приедете в Прибалтику, и может быть и нам, хоть ненадолго, дадите радость видеть Вас. У нас можно хорошо, то есть тихо и в очень русской обстановке пожить. Заботиться о Вас будем изо всех сил. Мой старший сын Костя знает и любит Ваше «Лето Господне» и «Богомолье», он очень нежный и очень русская душа, а малыши Саша и Миша просто очень веселые и ласковые, я их называю «мои грелки». Они приветливые ко всем, доверчивые, жадные до сердечных впечатлений и очень будут Вас любить. Обо мне и муже и говорить не стоит. Не разрушайте нашей мечты, — а может быть и даст Господь эту радость. Наше Kiviõli — это сильно растущий поселок вокруг большого сланцеперегонного завода; — маленькая пробная печь по плану русского инженера была построена в 1921 г. Тогда же на пустом болоте началось добывание сланца. Большинство рабочих и служащих были русские эмигранты. Теперь это одно из главных предприятий Эстонии, капитал германский, но русских много, своя церковь, библиотека, и в жизни много уютного и патриархального, наряду с довольно большой культурностью — бытовой. Природа,

несмотря на близость завода, приятная, спокойная, — так все — безрезки, перелески, зелени много.

Вот в субботу 31-го окт<ября> ждем сюда чудотворную Пюхтицкую икону Успения Б<ожией> М<атери>. На станции будет встречать Ее крестный ход, понесем в храм, а потом Она два дня будет обходить наши жилища. Посещает Она нас ежегодно осенью⁴. На молебне у нас впишу Ваше имя, — а так, сама, тоже поминаю Вас ежевечерне.

Очень хочется нам иметь Вашу фотографию (я писала об этом Соне) с Вашей надписью. Если у Вас есть лишние, — пришлите когда-нибудь! Если лишней нет, то Соня обещает заказать и мне пришлет, а я перешлю Вам с просьбой надписать.

Да хранит и да утешает Вас Господь! Простите, если что не так написала. Шлем Вам оба наш горячий душевный привет.

Любящие Вас
Карамзины.

<P.S.> Хороший ли муж у Сони — этот вопрос меня немножко беспокоит, хотя мне кажется, что хороший, но она все же не очень счастлива... Это чувствуется в письмах⁵.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 18–19 об.

¹ Свекор (*франц.*).

² В 5-ой Московской гимназии Ильин обучался с 1893-го по 1898 г. (1–5 классы).

³ «Из хороших чувств рождается плохая литература» — афоризм французского писателя А. Жида (1869–1951).

⁴ Крестный ход с чудотворным образом Божией Матери из Пюхтицкого монастыря был приурочен к празднику Успения Пресвятой Богородицы и длился несколько недель, проходя по селам и деревням Принаровья. В 1940 г. запрещен советской властью, возобновлен лишь в 1999-м.

⁵ Имеется в виду Г.Е. Климов (1895–1967), морской офицер, после Гражданской войны жил в Риге, где занимался коммерцией, обустроил летний пансион. Будучи старостой Русского академического общества, организовал поездку Шмелева в Латвию. В 1951 г. вместе с женой переехал в Канаду.

12. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

2 января 1937 г. Кивийли

2/1 37 г.

Сердечно всей семьей поздравляем Вас с Праздником Рождества Христова, глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич. Шлем новогодние пожелания, которые все труднее становится формулировать людям, чьи годы и душевный опыт накапливаются на чужбине, чье

стремление к радости и покою становится и все неутолимее, — и все смиреннее. Скажем так: Милости Божией желаем Вам в лучшем и наиболее для Вас насущном Ее проявлении. А в это входит и пожелание здоровья и сил, — и творческой радости от плодотворной работы, и душевного мира, и обретения Родины наконец... Да хранит Вас Господь, и да утешит Он Вас.

Соня порадовала известием, что Вы возобновили работу, что вышли «Пути небесные». Я с радостью прочла Ваш в ноябре написанный рассказ «Виноград» в «Ил<люстрированной> России»¹.

Мы тут Рождество уже отпраздновали по новому стилю, но в столовой все еще стоит разукрашенная елка. Встречали Новый год дома, одни, только один близкий друг нашей семьи, одинокий хороший человек, крестный моего младшего сына, присутствовал. До встречи были в нашей церкви — за торжественной всенощной с миропомазанием и новогодним молебном. Когда подошло время к 12-ти, встали из-за стола, перекрестились, подняли рюмки и в радио в ту же минуту грянула из Петербурга песня о родине: «Широка страна моя родная»² — знаете ли Вы ее? Она недавно у них сочинена и теперь поется там вроде гимна. И музыка, и слова очень трогают, — несмотря ни на что, помимо и сверх всего. Ширь большая в напеве, горячее чувство и что-то ключом бьющее новое, ничего общего с коммунистическими настроениями не имеющее. «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Мы с мужем не обольщаемся, как многие теперь, переменами в советской «генеральной линии», но кое-что не может не озадачивать и не радовать. Не могу Вам передать, как волнует, например, чтение оттуда по радио «Тараса Бульбы». Недавно хороший артист читал без пропусков речь Тараса к казакам перед боем, расправу с Андрием, сцену казни Остапа. Такие слова, такие чувства оттуда, — лучшей пропаганды всего родного, нашего быть не может. Какая сила у Гоголя! И год, два тому назад они бы не стали читать этого.

Посылаю Вам, дорогой Иван Сергеевич, Вашу фотографию, присланную мне Соней, с горячей просьбой сделать на ней надпись. Прилагаю письмо старшего сына Кости, который по своему почину пожелал Вам написать. Прочтите его каракули. Муж и я шлем Вам самый теплый привет.

Преданные Вам и любящие
Карамзины.

Не знаете ли Вы, как без моего ведома попало в «Ил<люстрированную> Россию» мое стихотворение «Ко дню матери»? Оно в том же номере, где Ваш «Виноград». Кто его поместил? Я когда-то

послала его Олегу Пантюхову по его просьбе, но о том, что его будут печатать, да еще за полной подписью, совсем не знала³. Ну, это не важно.

Адрес тот же: Estonie. Kiviõli, 44–2. Мар<ия> Влад<имировна> Карамз<ина>.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 21–21 об.

¹ «Виноград: Из крымских рассказов» («Иллюстрированная Россия», 1936, 12 дек. (№ 51), с. 1–4).

² «Песня о Родине» («Широка страна моя родная...») написана В.И. Лебедев-Кумачом и И.О. Дунаевским для кинофильма «Цирк» (1936).

³ Стихотворение М.В. Карамзиной «Ко дню матери», опубликованное в 51-м номере «Иллюстрированной России» за 1936 г., включено в подборку материалов, посвященных Национальной организации русских скаутов. В редакционной заметке сообщалось: «День Матери — традиционный праздник русских скаутов — празднуется ежегодно около 1 декабря во всех отделах русских скаутов за границей. В России этот день посвящался матерям скаутов, а после гражданской войны русские скауты в эмиграции в этот день особенно ярко выражают горячую любовь к своей далекой общей матери — Матери-России» («Иллюстрированная Россия», 1936, 12 дек. (№ 51), с. 21). Стихотворение, очевидно, передал в редакцию журнала О.И. Пантюхов (1882–1973) — основатель движения скаутов-разведчиков в России и первого отряда Национальной организации русских скаутов в Париже, участник Гражданской войны в рядах Белой армии.

13. К.В. Карамзин — И.С. Шмелеву

2 января 1937 г. Кивиולי

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Сердечно поздравляю Вас с праздником и желаю Вам всего хорошего в новом году. Я прочел Ваши рассказы «Лето Господне», «Богомолье», «Старый Валаам» и сборник мелких рассказов «Как мы летали», «Сахарная»¹ и т. д.

Я очень люблю и чувствую все до сих пор прочитанные мною Ваши рассказы. Особенно мне понравилось «Лето Господне».

Мне тринадцать лет². Я живу в городе Tartu в Эстонии, учусь в тартуской городской русской средней школе. Я в третьем классе. Я очень люблю спорт. Я хочу быть офицером и воевать с немцами и коммунистами за Веру, Царя и Отечество, как папа³. Я довольно ленив, поэтому я иду в школе средне. Особенно я не люблю эстонского языка.

Уважающий Вас, Костя.

2 января 1937 года

Kiviõli, Eesti.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 22.

¹ Имеется в виду рассказ «Сахарное яичко» («Родная земля», 25 апр. 1925). В последующих изданиях («Руль», 5 мая 1929 и сб. «Въезд в Париж», Белград, 1929 — с посвящением К.Д. Бальмонту) название изменено на «Яичко».

² К.И. Grimm, сын Карамзиной от первого брака, родился в 1923 г.

³ Его отец, И.Д. Grimm, был участником Первой мировой войны, награжден орденами Св. Станислава IV ст. и Св. Анны III ст. Во время Гражданской войны в чине штабс-капитана воевал в рядах Белой армии на юге России. Таким образом, по выражению сына, сражался «с немцами и коммунистами».

14. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

1 марта 1937 г. Кивийли

4-я неделя поста.

Понедельник, 1/III 37.

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Прочла и перечла, и снова читаю «Пути небесные»¹. Каждое слово — прямо в душу, и на каждой странице — новое открывается. Не новое — чужое, но вновь и вновь узнаваемое родное, заветное. Нет у меня слов выразить Вам все. Плакала, и плачу, и в сердце такое растепление, как от редко ниспосылаемой благодатной молитвы. Поистине, великопостное чтение, хоть и обжигает местами. Все свое, по фабуле иное, но по внутреннему смыслу родственное, подымается в душе, вновь на поверку предстает. Какая власть у Вас, какая прозорливость! Если бы мы увиделись, я сказала бы Вам многое, все, что сейчас кипит и толпится у меня в душе, а писать вдаль трудно о таком, хотя знаю, что Вы все поняли бы опытным сердцем. Как замечательно, что весь рассказ ведется через уста их обоих, просветившихся, что на всех событиях, сообщаемых бегло, без нажимов, лежит отблеск сердечной умудренности и смирения. Такой второй книги нет на свете, она совсем особенная. Люди в «Богомолье», «Лете Господнем», «Истории любовной» — совсем живые, но там они и вправду с живых писаны. А эти трое? Были они на самом деле, или это создание Ваше? Они настолько живут, настолько реальны, что за них молиться хочется. Любовь Дариньки к Вагаеву — как это тонко, до мельчайшей черточки верно. И сам он. И его уход от нее и письма его. Ах, эта борьба — не с захватчиком, не с разбойником, не с татем в ночи, но с милым, чисто-любящим, — как она трудна. И завет старца Варнавы «везти возок» и «побеждать».

А у меня: на 29-м году встреча с 42-летним моим теперешним мужем, уже много лет жившим, после яркой молодости, после войны, русской катастрофы — аскетически-духовной жизнью с оглядкой на монастырь. Он открывает мне пути в тот мир, который знал опытно, который знаете Вы. И тут рушится мой первый брак, и я иду через грех развода, через горе близких и сына — в этот новый мир. При этом все участники связаны любовью, все хотят жертвовать собою, но так выходит... И вот теперь 8-й год мы обвенчаны, и у нас два сына. И если верить в то, что соединение наше было предназначено, — ведь всю жизнь надо его искупить, оправдать. А мы верим. Но мы немощны, и нет «больших монастырей»... И надо «везти возок».

По милости Божией зовы бывают. И Ваши книги всегда зов, а эти дивные «Пути небесные» особенно. Спасибо, родной наш! Простите, что пишу о себе, но Вы чувствуете по этому, как дорога мне Ваша книга.

В 1915 году я бывала в Прилуцком монастыре. Мы ездили по Сухоне и Северной Двине до Архангельска и обратно мимо Тотьмы и Великого Устюга, потом гостили под Вологдой в имении наших друзей Брянчаниновых. (Влад<имир> Ник<олаевич> Брянчанинов — внучатый племянник епископа Игнатия²). Из Вологды ездили в монастырь, — там похоронен поэт Батюшков. А два раза ходили гулять к нему со стороны полей и речки, где она подходит почти к самим стенам, но там перехода нет. Сидели на бережку, смотрели на стены, на башни с их удивительной раскраской, — как разноцветное мороженое: фисташковое, сливочное, малиновое. Мне тогда было 15 лет. Это с мамой и братьями было.

Недавно ездила в Юрьев на Пушкинскую лекцию И.А. Ильина³, которая взбудоражила очень; слушала с восторгом. А свиданье с ним после 11 лет разлуки очень взволновало. Говорили много, но все-таки мне мало показалось.

Большую отраду приносят письма Сони <Климовой> из Риги, они очень близки. Она собирается после лета к нам. Жду Вашей фотографии — очень! — если трудно Вам мне писать, — перешлите ее через Союю. От мужа и от меня горячий привет Вам. Господь да хранит Вас.

Душою преданная и любящая
М. Карамзина.

¹ Имеется в виду первый том романа, печатавшийся в «Возрождении» в 1935–1936 гг. и вышедший отдельным изданием в 1937 г. Второй том опубликован в 1948 г.

² В.Н. Брянчанинов (1875–1963) — государственный деятель, унаследовал родовое имение Брянчаниновых в селе Покровском Вологодской области, став последним владельцем усадьбы. В 1920-м эмигрировал в Болгарию, жил в Чехословакии, с 1950 г. — во Франции. В 2006-м его останки перенесены в родовую усыпальницу в Покровском.

³ С торжественной речью «Пророческое призвание Пушкина» Ильин выступал 9 февраля 1937 г. в Риге, 12-го в Ревеле (Таллине) и 14-го в Юрьеве (Тарту), произвел сильное впечатление на присутствовавших.

15. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

14 марта 1937 г. Париж

14 марта 1937

Boulogne / Seine

Сердечно благодарю Вас, милая Мария Владимировна, за чудесные Ваши письма, за доброту к писателю. Рад, что «Пути небесные» дошли до сердца. Зерно их — сама жизнь, я это «зерно» *видел*, и оно явилось закваской романа, далеко не законченного. Буду ли продолжать... — не знаю. Жизнь рассекла меня, я в осколках, трудно душу собрать. Простите краткость, у меня нет часа на письма, я один — на все, не соображусь. Без Ангела-хранителя моего. Ну, да Вы поймете.

Поцелуйте Вашего мальчика за его милое письмо. Привет Вашему мужу. Я рад Вашим откликам всегда, но не судите меня, если не всегда смогу ответить. У меня на столе кипа писем. А тут еще надо было говорить и писать в пушк<инские> дни. И болел долго, сам за собой ходил, в сиротстве моем. Надо принимать испытания — принимаю, и не хочу облегчения. Горько и нестерпимо подчас, но мой мальчик¹, наш мальчик что принял! — и что мои испытания! И моя хранительница, усопшая моя Ольга светлая, сколько приняла, всю жизнь отдала сыну и мне. Особенно тяжело, что порой *все* шатается во мне, рушится. При таком — как же трудно писать! — в огне таком.

А *надо* завершать взятое (или — указанное?), чтобы не вносить соблазна в души. Надо платить за *что-то*, от чего не в твоей воле отказаться. Сказать правду — никогда не старался и не стремился стать писателем, — *так* вышло. А лучше бы не становиться, легче. Теперь не отмахнешься.

Будьте здоровы и берегите счастливые дни, — так они быстры, так случайны.

Душевно Ваш

Ив. Шмелев.

Прилагаю присл<анную> Вами карточку мою.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 4–4 об.

¹ Сын писателя С.И. Шмелев (1896–1921) был расстрелян большевиками в Крыму в январе 1921 г.

16. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

28 апреля 1937 г. Париж

28.IV.1937

Булонь, Сен

Дорогая Мария Владимировна.

С великим усилием вырываюсь из тисков хлопот и работ, — простите за отрывистость письма. Но не могу не сказать Вам душевного признания — за Ваши мудрые слова о «П<у>тях> неб<есных>» — только что читал в «Прав<ославной> Руси»¹. Дай Бог, чтобы читающие принимали *так*, как Вы, добрая-чуткая душа, *вняли*. Только бы на пользу. А Вы — близко определили *суть*. Но мне-то трудно и стеснительно говорить о своем. Спасибо. Вы и о Пушкине прекрасно сказали. Незаурядный Вы читатель, большая в Вас духовная культура. Чувствуется, ясно сказывается. Вкладывайте детям — *свое*. Только *так* и можно поддержать замирающую — временно! — в людях *жизнь* полноценную, вернуть их к приятию мира Господня, — не *землю* только.

Я очень занят. Приходится ехать в Прагу, говорить в «День русской культуры» — о культуре и о Пушкине. Это будет 13 мая, а 14 — читаю там же *свое*, из «Лета Господня», «Богомоля», «Няни» и — «Веселый ветер» — «Верба»². Затем — недели на две в обитель пр<е>п. Иова, на Пряш<евскую> Русь, иноки зовут погостить.

«Старый Валаам» — закончен, остальные 7 глав. *Как* мне это удалось — не сознаю. Много пришлось и еще написать... Написал мал<енький> рассказ «Свет вечный», для пасх<ального> «Возр<ож>дения» — дарок мой другу — И.А. Ильину. Еще написал «Кровавый грех» — в «Илл<юстрированную> Рос<сию>», тоже просили для Пасхи³. Но оба рассказа *трудные*, — так вышло.

Христос Воскресе! — говорю Вам, Вашему мужу, детям. Будьте здоровы, будьте радостны, будьте в крепкой надежде, что — *все будет*. Россия наша — *жива*, и — *будет!* Воскреснет! — Воистину Воскресе Христос!

Ваш

Ив. Шмелев.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 5. Авторизованная машинопись.

¹ Карамзина М.В. Пути небесные // Православная Русь. 1937. № 7. 8 (21) апр. С. 3–4. (См. Приложение.)

² Имеется в виду рассказ «Весенний ветер» («Возрождение», 24 апр. 1927), под названием «Веселый ветер: Верба» опубликован в сборнике «Родное: Про нашу Россию» (Белград, 1931).

³ «Свет вечный: Рассказ землемера» опубликован 1 мая 1937 г. в «Возрождении» с посвящением Ильину, «Кровавый грех: Рассказ сестры милосердия» — в тот же день того же года в «Иллюстрированной России».

Письмо 17. НИОР РГБ

Letter 17. Research Institute of the Russian State Library

17. И.С. Шмелев — М.В. Карамзиной

24 февраля 1939 г. Париж

24.II.39

Дорогая Мария... Владимировна?

Простите, забыл Ваше отчество, а письма, если хранятся, засунуты в пачки при перевозке. О себе писать — долго и скучно. После долгих странствий — вернулся во Фр<анцию>, много болел, мало писал. Только теперь, чуть оправившись (упад<ок> серд<ечной> деят<ельности>), вхожу в работу, — надо еще кое-что закончить.

Устроился опять на соб<ственной> кв<артире> — не могу быть не у себя. Может быть, приступлю и к заключ<ительной> книге «Пути неб<есные>». М<ожет> б<ыть>... — если достанет дней и сил.

Пришлите В<ашу> книгу стихов, — заранее уверен, что есть у вас «зерна» истинные, есть, что сказать, ибо живая у Вас душа. Большинство соврем<енных> поэтов, вернее — счит<ающих> себя поэтами, — пустоцвет, пустодушие или — потуги. Помните — Пушкин: «...наперед узнайте, чем душа у вас исполнена... прямым ли вдохновеньем — иль необузданным одним поползновеньем!»¹

С мая по конец июня был в обители на Пряш<евской> Руси, — лежал с головокруж<ением> два мес<яца>, последствие гриппа, едва выбрался и потому *света* там не обрел².

Желаю Вам здоровья. Привет Вам с мужем.

Ваш

Ив. Шмелев.

ОР РГБ. Ф. 693. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 6–6 об. Почтовая карточка.

1 Из стихотворения А.С. Пушкина «Французских рифмачей суровый судия...» (1833). В оригинале: «...иль *необдуманн*ым одним поползновеньем».

2 В отличие от первого посещения монастыря преп. Иова Почаевского в 1937 г., во время второго визита в мае-июне 1938-го Шмелев находился в крайне угнетенном физическом и психическом состоянии, в чем признавался в письмах к Ильину: «Я думал — мозговой развал. Монахи меня приуговаривали... лечения не было. <...> Как же я рвался с Карпат! Боялся там сгнить <...> Из жизни в Обители не вынес радости-утешения» (*Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. М.: Русская книга, 2000. Т. 2: 1935–1946. С. 230, 232).

18. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

2 марта 1939 г. <Кивыли>

2/III 1939 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Муж и я были так рады получить Вашу открытку, но с грустью узнали о том, что Вы болели так долго и трудно. От всей души желаем Вам сил, и полного выздоровления, и возможности работать. Какая была бы радость, если бы Вы закончили «Пути небесные»! Да пошлет Господь и душе Вашей отдых и мир. Простите, что так пишу, но чувствую, как Вы измучились. Доходит ли до Вас, и отрадно ли Вам, что столько есть на свете людей, которые любят Вас и смотрят на Вас ведь не только как на писателя, доставляющего наслаждение эстетическое, умное развлечение, пробуждающего приятные воспоминания, добрые чувства, но и как бы с тайной надеждой? Душу

Вашу любят, чувят ее в писаниях Ваших и ищут у нее поддержки в собственных духовных борениях. Это так есть, и ничего тут не изменишь. Вы сами мне когда-то писали, что ответственности писательской не страхнешь. Здесь не то что ответственность, а как-то связаны Вы с этими душами, и им, как за родного и близкого, горестно, когда Вам плохо.

Мы часто, и всегда с любовью, думали и говорили о Вас за эти полтора года, что не имели от Вас никаких вестей. Сколько раз перечитывали Ваши книги и то, что печаталось изредка в газетах. Дети нет-нет и требуют чтения вслух «Богомолья» и «Лета Господня». На Рождество читали.

Собирались летом на Валаам. Не пришлось из-за болезни. Вот Вы мне пожелали в письме здоровья, точно почувствовали, что я сильно хворала. До сих пор еще не в полном порядке. Весь январь пролежала в Юрьеве в клинике. Было воспаление почечных лоханок, камень. Теперь надо беречься, состояние полуинвалидное, а я всю жизнь была здорова и очень этим бравировала. Верно, для смирения теперь послано.

Василий Александрович <Карамзин>, слава Богу, здоров, бодр, работает. Дети за осень и зиму много болели неизбежными болезнями: только закончился карантин ветряной оспы. Весной приезжал в Эстонию И.А. Бунин. Я виделась с ним, четыре дня провела в общении с ним¹. Он и настоял на издании моих стихов, просмотрел рукопись, приготовленную для печати (я посылала ему), вообще проявляет много трогательного внимания и заботы. Сегодня вместе с этим письмом отправляю Вам «Ковчег». Виделась весною также с арх<имандритом> Иоанном Шах<овским>, говорили о Вас. На днях получили от него чудное письмо².

Вот хочу Вас спросить, не знаете ли Вы нового, швейцарского, адреса И.А. Ильина? Он, бедный, принужден был переменить местожительство,

оттого что не покривил душой³. Если Вы знаете адрес, дорогой Иван Сергеевич, напишите его мне.

С Соней Климовой переписываюсь, ей очень нелегко. Где теперь Ваш Ивушка⁴, что он делает, какой он? Кто с Вами, или вернее, кто делает для Вас все эти мелкие хозяйственные дела, без которых нельзя обойтись? Лечитесь ли Вы регулярно и как надо? Берегите себя, так тяжело хворать в теперешних условиях, так это неудобно.

Муж и я сердечно Вас приветствуем.

Да хранит Вас Господь!

Любящие Вас

Карамзины.

<P.S.> Да, мое отчество Владимировна — Вы не ошиблись.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 25–25 об.

¹ В мае 1938 г. Бунин, совершавший поездку по Прибалтике, посетил Тарту, где состоялось личное знакомство с Карамзиной. Переписка между ними велась ранее, Бунин оценил присланные ему стихи и посоветовал выпустить сборник, получивший название «Ковчег» [1, с. 675].

² Письмо архимандрита Иоанна (Шаховского; 1902–1989), впоследствии архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского, от 30 июня 1939 г. см.: [3, с. 111].

³ После отказа Ильина сотрудничать с немецкими властями и следовать партийной программе преподавания ему было объявлено о запрете на публичные выступления. 9 июля 1938 г. Ильины переехали в Швейцарию. 10 октября он писал Шмелеву: «...я покинул страну моего прежнего пребывания *совсем* <...> Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только *предателей* и *своих агентов*» (Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов. Т. 2: 1935–1946. С. 236).

⁴ Ивистион (Ив) Жантийом (Yves Gentilhomme; 1920–2016) — сын племянницы жены Шмелева Ю.А. Кутыриной от первого брака, воспитывался в семье писателя, автор книг воспоминаний «Мой дядя Ваня» (М., 2001) и «Мой крестный» (М., 2011).

19. М.В. Карамзина — И.С. Шмелеву

11 июля 1939 г. Валаам

11/VII 1939 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам с Валаама, из гостиницы, — простите за карандаш, чернил нету, а написать Вам очень хочется — именно отсюда. Муж и я посылаем Вам иконку св<ятых> Сергия и Германа, освященную на их мощах. Приехали мы сюда вдвоем, без детей, с экскурсией в 50 человек, пробудем всего неделю без одного дня. Сегодня четвертый день нашего пребывания.

Часто и с любовью думаю о Вас здесь. Нас возят по скитам, жасмин цветет, пышно и благоуханно, вчера начался сенокос, кое-где еще доцветает странная, жидкая, душистая, почти розовая сирень. Были сегодня в Коневском скиту, пока ждали остальных, — любовались кельей игумена Дамаскина, кормили хлебом с мостика рыбок,

видели четырех гагар на озере вдали. Благословлялись у скитского старца схимонаха Николая¹, — как восковой, лик светится, стар очень, смирен, потом в Воскресенском скиту служили пасхальную заутреню, пели всем народом «Христос воскрес».

За три дня много где побывали. Вчера вечером ходили в ближнюю пустыньку, на кладбище, где похоронены игумены, в часовню св. Сергия. Был чудный золотисто-зеленый вечер после дождя, отдыхали у креста в лесу, где похоронен нарушивший послушание монах. Водил нас легкий летучий старичок, о<тец> Памва², откуда только силы у него. Взмахивает широкими рукавами, всех за собой увлекает, шутит легко, радостно, а глаза внимательные, голубые, глубокие. Завтра исповедь. Я боялась, едуци сюда, что святость здесь так высока для нас грешных, мирских, что если прикоснуться к ней, то страшно будет вернуться в обыденную жизнь. И вот с радостью, с благоговением чувствую: святость эта, приближаясь, дает мир, покой, снимает тревогу, вопросы, все — не нужно. Только тепло, тихо в сердце.

Вчера беседовали с прозорливым схиигуменом Иоанном³, у которого завтра, Бог даст, будем исповедоваться. У него послушание: он отвечает на письма, руководит издали. Беседа с ним была особенно умиротворяющая. Никаких особых слов, — а гнет собственный, привезенный и ошеломление от множества впечатлений — благодатных, но хлынувших в неустроенную душу и произведших вначале смятение, — как рукой сняло. Пишу Вам это откровенно, как сердцем мною пережитое, — Вы поймете.

Удивительные службы. Тоже — стремительность, полет — в жестах, движениях, чтениях, даже хор поет стремительно. Меня поразило, что слова как бы в пренебрежении, их переросли духом, они только так, условные знаки. Очевидно, насуточно то, что за словами. Это необыкновенно убедительно.

Муж мой также участвует во всем с большой радостью. Его тоже радует крепость и уклад здешнего быта. Сегодня утром до ранней обедни, в 5 часов, отправился на конюшню, смотрел лошадей, ему сделали выводку. Он снимал особенно ему приглянувшихся. Делать нечего — помещик и кавалерист!

Встретились мы тут и с парижскими: о<тцом> архимандритом Никоном⁴ с rue Daug и с о<тцом> Мефодием Кульманом⁵. О<тец> Мефодий просил приветствовать Вас.

В гостинице живем на третьем этаже, его при Вас, пожалуй, не было. А все остальное, верно, почти такое же, как в «Старом Валааме». Только России той нет... И без возрождения в ней духа

валаамского, без благодати Божией — вряд ли возможно спасение. Не Солоневичам⁶ ее спасать!

Благодарю Вас сердечно за Ваше письмо в ответ на посылку «Ковчега», за критику и ободрение. Для меня «Ковчег» порядком устарел. Дал бы Бог сил писать о «насушном»!

Шлем Вам наш теплый душевный привет. Да хранит Вас Господь и да поможет Вам!

Ваша

М. Карамзина.

Адрес прежний: Марии Владимировне Карамзиной.

Mme M. Karamzine.

Kiviõli 43–2.⁷

Estonie.

ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 425. Л. 27–28 об.

¹ Схимонах Николай (Толстов; 1864–1947) в 1895 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1906-м пострижен в монашество, в 1925-м принял схиму. Последние годы жизни на Валааме подвизался в Коневском скиту, проходя пустынное и уединенное житие (Иоанн [Алексеев И.А.] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 691). Отличался смирением, гостеприимством, почитал каждого приходящего к нему человека. Воспоминания о посещении Коневского скита и о встрече с отцом Николаем Б.К. Зайцев включил в книгу «Валаам» (1936).

² Иеромонах Памва (Порфирьев; 1877–1965) в 1895 г. поступил в монастырь, в 1907-м пострижен в монашество, в 1914-м рукоположен в иеромонаха. Был старшим келейником игумена Павлина, нес послушания при архиерейском доме в Выборге и на подворье в Москве, пел на клиросе. В 1930-х гг. встречал паломнические группы, водил экскурсии по монастырю и скитам. В 1937-м был духовником Пюхтицкого монастыря в Эстонии (Иоанн [Алексеев И.А.] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 693).

³ Схиигумен Иоанн (Алексеев; 1873–1958) в 1901 г. поступил в Валаамский монастырь, в 1910-м пострижен в монашество, в 1933-м облачен в схиму. Проходил послушание духовника и исполнял чреду священнослужения (Иоанн [Алексеев И.А.] Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. С. 682). Вел обширную переписку. В 1940 г. вместе с братией эвакуировался в Финляндию, где подвизался в Ново-Валаамском монастыре, был духовником и старцем.

⁴ Архимандрит Никон (Греве; 1895–1983), впоследствии архиепископ Бруклинский и Манхэттенский (1965–1979), служил в Александро-Невском кафедральном соборе на улице Дарю в Париже.

⁵ Иеромонах Мефодий (Кульман; 1902–1974), впоследствии епископ Кампанский, был в течение 42 лет настоятелем храма Христа Спасителя в Аньер-сюр-Сен, а также духовником Шмелева.

⁶ И.Л. Солоневич (1891–1953) — публицист, общественный деятель. Автор получившей широкую известность в предвоенные годы книги «Россия в концлагере» (1936). Стронник построения независимой монархии. В 1930-е гг. обличал русские организации и партии, как прогерманские, так и антигерманские. Предупреждал, что немецкие попытки покорения России обречены на провал, и что победа над большевизмом достижима только в сотрудничестве с антисоветскими силами и русским народом. Недоверие Карамзиной к «солоневичам» могло быть порожде-

но бытовавшими в эмигрантской среде слухами о связях братьев И.Л. и Б.Л. Соловьевичей с НКВД (вследствие компрометации их деятельности со стороны советских спецслужб).

⁷ Видимо, описка: в остальных письмах номер дома указан как «44».

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.В. Карамзина

Пути Небесные²

В критико-биографическом очерке, коим открывается полное собрание сочинений Достоевского в изд<ании> «Нивы» в 1893 г., В.В. Розанов писал:

«Что нужно нам от писателя? Зачем, отрываясь от насущных дел, забот, иногда обязанностей, читатель берет книгу и уединяется с нею, уединяется — в себя, но зачем-то в сообществе с человеком, давно умершим или далеким, которого он не знает и, однако, в эти минуты уединения предпочитает всем, кого знает? Какой смысл в книге, в чтении? Наслаждение ли? Но в непосредственных созерцаниях, в реальных ощущениях действительности оно может быть всегда ярче. Красота ли? Но разве для нее уединяется человек? Он уединяется, чтобы, на минуту оторвавшись от частных, от подробностей своей жизни, своих тревог, обнять их в целом, понять эту жизнь в ее полном значении. Что скажет, что может сказать он мне *обо мне* самом и обо всем, что так тяготит меня и смущает в жизни — вот вопрос, который определяет выбор нами того, кого мы зовем с собою в уединение, или книги, которую избираем.

“Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи” — вот самая серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение. Вне этого, вне отношения писателя к нашим индивидуальным тревогам, заботам, опасениям празден смысл самого чтения, незначаче появление книги, мишурно все, что в необъятных размерах мы называем литературой...»³

² Публикуется по изданию: Православная Русь. 1937. № 7, 8 (21) апр. С. 3–4. В заголовке и в тексте статьи используются названия произведений И. Шмелева без кавычек, в нарицательном значении.

³ Цитируется (с некоторыми неточностями) «Ф.М. Достоевский: Критико-биографический очерк» (1893) В.В. Розанова, впервые опубликованный в качестве предисловия к первой части первого тома Полного собрания сочинений Достоевского в 12 т. (СПб., 1894. С. V–VI). В оригинале: «Что нужно *ей* (толпе. — *А.Л.*) от писателя?»; «...в ее *общем* значении»; «...книги, *какую* избираем»; «...вот самая серьезная мысль, с *какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственная серьезная мысль*, на которой может истинно скрепиться их общение».

— Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи, — говорим мы, беря книги Ивана Сергеевича Шмелева. — Ты обладаешь даром художественного слова, и духовный опыт твой обширен и глубок. Ты был чуток, горяч, человеколюбив и честен в те далекие счастливые времена, когда жизнь нашей родины текла широким и могучим потоком, на радость одним, на злобное удивление и зависть другим. Ты был скорбен и прям в «суровые дни», наступившие для нее с военной грозой. Душу твою палило апокалиптическим зноем Солнце Мертвых на бесплодных камнях у древнего моря. О том, что познала тогда твоя душа, мы можем только скорбно догадываться и благоговейно молчать, оттого что мы знаем, *кого* у тебя тогда отняли, оттого что многие из нас до самой смерти не забудут своих, таких же невознаградимых утрат.

С тех пор прошло много лет, и в эти трудные годы мы постоянно знаем, что судьба твоя, ежедневная жизнь твоя — тот самый тяжкий крест, который суждено нести многим изгнанникам на чужбине, что ты несешь его, что тебя посещают всякие скорби и что под бременем креста, сквозь муку скорбей, ты силен духом Света, благодатной помощью Божьей. Ты увидел радостно, и ласково нам рассказал о том, что в шумной суете, в спешке земного года явлен нам круг Лета Господня. Ты напомнил нам о цветущей, благоуханной, родной дороге давнего Богомоля, по мягким колеям которой стар и млад текли в радушную, как розовая свеча, сиявшую среди пышных лесов Святую Лавру, — тогда, когда было на то Господне благоволение, когда еще не пролилась на нас чаша гнева Его, и не судил Он нам иных, суровых путей. Ты привел в нашу сумбурную, беспамятную, часто недобрую жизнь русскую, верную, простодушную и мудрую старушку-няню, а она, болея о Катичке своей, поведала нам о нас самих, прежних и нынешних, и попеняла нам, и пристыдила и растревожила, и умилила нас, и напомнила нам об очень важном, о самом главном...⁴

И вот теперь земными путями Богомоля и няниных скитаний по свету довел ты нас до Путей Небесных.

К этой изумительной книге, к одной среди немногих в мире, особенно применимо это: «помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи», — эта «единственная», по мнению Розанова серьезная мысль, с которой читатель может обратиться к писателю. Правда, необходимо оговориться: эта «серьезная мысль» читателя должна быть действительно серьезной. Более того: чтобы эту книгу

⁴ Автор имеет в виду книги И.С. Шмелева «Лето Господне» (1927–1944), «Богомолье» (1931), «Няня из Москвы» (1936).

прочсть, душа читателя должна быть собственным духовным опытом хоть отчасти *подготовлена* для восприятия тех даров, которые прикровенно и явно в этой книге рассыпаны.

Надо *опытно* знать тайну духовной жизни, чтобы расслышать и понять за увлекательно интересной фабулой, за калейдоскопом по-шмелевски ярких картин московской жизни 70-х годов тот единственный зов, тот язык, который не похож ни на какой другой язык общий, как для великого светоча Православия, какого-нибудь Святителя, или Оптинского старца, так и для светлого Горкина из «Богомолья», так и для всякого, смиренного, кающегося, жаждущего Божьей правды. Этот язык души знают, может быть, многие, но говорят на нем устами редко. Говорят на нем и устами тогда, когда душа потрясена и пронзена светлой любовью, и тогда, когда близок последний час, и всегда, когда шепчут теплую молитву. В этой книге, как в жизни, надо уметь угадать высокий тайный смысл видимых событий, часто, казалось бы, мелких, часто низких и даже опасных. Но тут же должно установить: мудрость автора такова, что ни разу, ни на секунду, он не ошибется, не затуманит совести читателя, не позволит

назвать темного светлым. Высокое мастерство в самом построении романа. Рассказ о бурных событиях ведется участниками уже как бы из другого мира, из «уютя» около «больших монастырей». Под взглядом, очищенным и просветленным, оживает прошедшая жизнь, и ее темные, непонятные, земные пути — разгаданы и недаром нарекаются путями Небесными.

Немало душ, припавших к этой повести, найдут в ней ответы себе. Дело не в том, что внешняя история каждого из действующих в ней лиц может быть непохожа на внешнюю историю отдельного читателя. Мало ли какими извилинами ведут нас земные пути! Но *раскрыть* душе ее путь, но помочь ей назвать этот путь *небесным*, т. е. данным ей по воле Божией, но подкрепить ее, растеплить, повлечь ее молиться, напомнить ей о сопутствующей ей Божьей Любви — вот что может дать эта особенная книга, этот дар нам нашего любимого писателя. Глубокая ему за это, несказанная, душевная благодарность.

Литература

1. Бунин И.А. Письма к М.В. Карамзиной (1937–1940) // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 663–687.
2. Гаврилов С. Мария Владимировна Карамзина // Интернет-проект «Русская Эстония». URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Гаврилов_С._Мария_Владимировна_Карамзина (дата обращения: 01.12.2024).

3. *Карамзина М. Ковчег: (Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И.А. Бунина к М.В. Карамзиной)*. Таллин: Vene Entsüklopeedia, 2008. 222 с.

4. *Киселева Л.Н.* Письма М.В. Карамзиной к В.В. Шмидт // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Проблемы русской литературы и культуры*. Helsinki: [Б. и.], 1992. С. 37–57.

5. *Макшеев В.* И крепка наша горькая связь // *Нева*. 2013. № 2. С. 201–228.

6. *Милютина Т.* Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. 415 с.

7. *Шмидт В.* Мария Владимировна Карамзина // *Радуга = Vikerkaar*. 1989. № 8. С. 44–45, 48–49.

Research Article and Publication of Archival Documents

“It’s Much Easier to Love People by Reading Your Books”: The Correspondence of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov (1934–1939)

© 2025. Alexey M. Lyubomudrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article presents hitherto unpublished correspondence between the poet Maria Karamzina (1900–1942) and the writer Ivan Shmelyov (1873–1950), as two members of the Russian Diaspora. The letters are devoted to thoughts on the word art, modern literature, and their own work. Maria Karamzina emphasizes the spiritual and moral impact of Ivan Shmelyov’s books, notes the uniqueness of the prose writer figure, writing “about the most precious and important,” who is able to support his readers in a ghastly era. The correspondence is characterized by the maximum possible level of openness and almost a confessional tone. It shows both the character traits and mental states of the two writers, and reflects their family vicissitudes. The issues of the living of an Orthodox Christian occupy an important place in the dialogue of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov. Descriptions of the literary, social, and ecclesiastical life of the Russian-speaking population in Estonia in the interwar period are of particular value. The introductory article analyzes the socio-political consciousness of a part of White Russian emigrants, who had hoped for a rightful place in Soviet Russia, but were deceived in their expectations. The article also provides a comparison of the topics, plots, and style of the epistolary communication of Maria Karamzina with Ivan Bunin and Ivan Shmelyov. Overall, this letter collection is of interest to experts in the field of the Russian Diaspora literature, as well as a wide range of readers. The appendix presents an unknown Maria Karamzina’s article “The Heavenly Ways” (1937).

Keywords: Maria Karamzina, Ivan Shmelyov, Russian literature, Russian Diaspora, Russians in the Baltic states, epistolary.

Information about the author: Alexey M. Lyubomudrov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

E-mail: anketaspb@yandex.ru

For citation: “‘It’s Much Easier to Love People by Reading Your Books’: The Correspondence of Maria Karamzina and Ivan Shmelyov (1934–1939),” introd. article, text prep., and notes by A.M. Lyubomudrov. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (35), 2025, pp. 115–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-35-115-154>

References

1. Bunin, I.A. “Pis'ma k M.V. Karamzinoi (1937–1940)” [“Letters to Maria Karamzina (1937–1940)”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 84, book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 663–687. (In Russ.)
2. Gavrilov, S. “Mariia Vladimirovna Karamzina” [“Maria Vladimirovna Karamzina”]. *Russkaia Estoniia*. Available at: http://russianestonia.eu/index.php?title=Гаврилов_С_Мария_Владимировна_Карамзина (Accessed 1 December 2024). (In Russ.)
3. Karamzina, M. *Kovcheg: (Stikhotvoreniia. Sud'ba. Pamiatnye vstrechi. Pis'ma I.A. Bunina k M.V. Karamzinoi) [The Reliquary: (Poems. Destiny. Memorable Meetings. Ivan Bunin's Letters to Maria Karamzina)]*. Tallinn, Vene Entsüklopeedia Publ., 2008. 222 p. (In Russ.)
4. Kiseleva, L.N. “Pis'ma M.V. Karamzinoi k V.V. Schmidt” [“Maria Karamzina's Letters to Vera Schmidt”]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Problemy russkoi literatury i kul'tury [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia III: Problems of Russian Literature and Culture]*. Helsinki, [S. n.], 1992, pp. 37–57. (In Russ.)
5. Maksheev, V. “I krepka nasha gor'kaia sviaz” [“And Our Painful Bond Is Strong”]. *Neva*, no. 2, 2013, pp. 201–228. (In Russ.)
6. Miliutina, T. *Liudi moei zhizni [The People of My Life]*. Tartu, Kripta Publ., 1997. 415 p. (In Russ.)
7. Schmidt, V. “Mariia Vladimirovna Karamzina” [“Maria Karamzina”]. *Vikerkaar*, no. 8, 1989, pp. 44–45, 48–49. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.02.2024
Одобрена после рецензирования: 10.06.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 04.02.2024
Approved after reviewing: 10.06.2024
Date of publication: 25.03.2025